

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

КУКОЛКА

Алла Гореликова

Куколка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73022117
SelfPub; 2025*

Аннотация

Не верьте пророчествам! Иначе рискуете сами же и запустить их исполнение. Отец Вириты поверил, и вот уже девушка вынуждена бежать из дома, от немилого жениха. И чего ждать, когда выбранный наугад путь приводит ее к башне некромантов, да еще в самый разгар опасного ритуала?

Некромант и его ученик, древний бог, дева в беде и призванный дух. На что способна такая разношерстная компания? Как минимум, исполнить парочку пророчеств но совсем не так, как ожидалось!

Содержание

ГЛАВА 1. Скандал в благородном семействе	4
ГЛАВА 2. Фатальная случайность	13
ГЛАВА 3. Побег и его последствия	22
ГЛАВА 4. Гости из-за Грани	32
ГЛАВА 5. Лицом к лицу в чужой голове	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алла Гореликова

Куколка

ГЛАВА 1. Скандал в благородном семействе

*Прежде чем лишать сына наследства,
заведи еще одного!*

– Прокляну. Лишу наследства. В дальний гарнизон сошлю. Сопляк. И это мой сын!

Мариус ожидал, конечно, столкнуться с отцовским гневом, но не думал, что тот окажется настолько силен. Свистящий, едва слышный шепот больше напоминал шипение змеи, чем человеческий голос – верный признак крайней степени ярости. Сьер Гоунт дель Марре никогда не повышал голоса, считая это неуместным для родича королевской семьи, а чем сильнее гневался, тем тише говорил. Кто не услышит, сам виноват.

Слова стелились тяжелым ядовитым газом, обвивали и душили, у Мариуса звенело в висках и хотелось хватать воздух ртом, словно выброшенной из воды рыбине. И вдруг отец почти сорвался, в бесстрастном голосе зазвенела сталь:

– Позор рода, предки в гробах переворачиваются!

Наваждение исчезло, дышать стало легче, словно порыв ураганного ветра унес отраву прочь – хотя надолго ли?

– Не переворачиваются, я точно знаю, – непочтительно возразил Мариус. – А вы, батюшка, лучше представьте, какая польза для рода, если с предками по душам пообщаться. Один прапрадедушкин клад чего стоит! А те странные намеки на королевскую благодарность в дневниках вашей троюродной тетушки? А секретные приемы вашего батюшки, которым он не успел вас обучить? И сколько еще предки унесли с собой за Грань такого, что могло бы пригодиться роду? А вы – «наследства лишу»! Да и лишайте, я у дедушки по матушкиной линии покровительства попрошу!

В голосе Мариуса все ясней и громче проступала обида, на щеках разгорался нервный румянец, а в темных, по-военному коротко остриженных волосах зелеными болотными огнями вспыхивала и трещала магия. Но доказательство немалой магической силы вовсе не радовало высокородного сьера Гоунта дель Марре.

А чему радоваться? Тому, что наследник и, увы, единственный сын попустительством высших сил уродился магом? И ладно бы еще магом боевым, стихийником или хоть эмпатом – такие дары легко сочетать и со службой короне, и с возвышением рода. Но некромант! Тьфу-тьфу, упаси Великая Сила! И нет бы, как отец велит, позабыть о проклятом даре, так он, видите ли, учиться надумал! И даже наставника

нашел, отца не спросив!

Сказать откровенно, как раз с наставником наследник показал себя с вовсе даже неплохой стороны: мастер Турвон был в их краях проездом, не всякий успел бы так подсуеиться. Мастера-некроманта, готового взять ученика, поди найди. Их, может, на весь мир с десяток, а то и меньше, а в королевстве и вовсе единственный. И, чего таить, в глубине души сьер Гоунт преотлично это понимал. Как и возможную пользу от отыскания дедовских да прадедовских тайников и секретов. Но сын-некромант!

Но, как ни крути, сын. Единственный. От дочерей продолжения рода не ждать, они уйдут в семьи мужей, да и вообще, отказаться от первенца, кровного продолжателя фамилии, и принять зятя-консорта – гораздо хуже, чем позволить сыну учиться не вполне подходящему. Именно «не вполне», а не «вовсе не...» – магия все же, не какое-нибудь крюкотворство или, Великая упаси, торговля. Да и жена, хоть и не вмешивается в воспитание сына, любит его и не даст изгнать. Воевать с супругой и дочками, обожающими брата – нет, он пока еще в своем уме! Покой в семье стоит и большего, чем потакание взбрыкнувшему отпрыску.

– Ладно, – почти через силу уронил сьер Гоунт. – Не скажу, что считаю это подходящим, но...

– «Приемлемо» будет вполне достаточно, – подсказал Мариус.

Но тут мысль о продолжении рода наконец пришла к ло-

гическому завершению, и сьер Гоунт вновь впал в шипящую ярость.

– «Приемлемо»? А как прикажешь невесту тебе искать? Какая девушка согласится связать сердце с некромантом? Я не допущу угасания рода. Ни. За. Что.

Некоторое время отец и сын молча прожигали друг друга взглядами. Первым молчание нарушил Мариус: он, в конце концов, не мог не понимать, насколько страшна для отца сама мысль о том, что ветвь дель Марре может усохнуть. А уж тем более – по его вине.

– Это последняя причина? А если я дам слово, что сам найду подходящую невесту?

– Вот когда найдешь... – остывая, начал сьер Гоунт, но сын непочтительно прервал:

– Нет, так неправильно будет! Мне нужна девушка, которая не испугается моего дара, а значит, таить его нельзя.

– Не найдешь ты такой девушки.

– Желаете побиться об заклад?

Во вспыхнувших азартом темных глазах, в упрямо вздернутом подбородке сьер Гоунт увидел вдруг себя, молодого, еще толком не научившегося сдерживать горячий нрав. Сын, плоть от плоти, кровь от крови... яблочко от яблоньки, как говорят простолюдины. И правда ведь, как не признать – в яблочко!

– Мало я тебя порол, – проворчал высокородный сьер. – С недорослями вроде себя об заклад бейся, на щелбаны. Вот

тебе моя воля. Учиться – дозволяю. Но чтоб не позже следующего праздника урожая представил мне свою избранницу. Переговоры с ее семьей я, разумеется, проведу сам, но девушка должна быть согласна.

– Но ведь осталось меньше года!

– А ты надеялся до старости в холостяках отсиживаться? Я уже этой зимой намеревался подыскать для тебя достойную партию, так что, считай, еще и отсрочку получил.

Мариус недовольно хмыкнул, но поклонился, признавая отцовскую волю, и на том спор завершился. А уже через час, собрав потребные вещи, обняв матушку и сестриц и приняв пусть неохотное, но все же благословение отца, наследник рода дель Марре стиснул в кулаке выданный будущим наставником порталный амулет и исчез из замка предков, как не было. А в древней башне посреди заповедного Оленьего Лога, в той самой, которую люди знали как дом мастера-некроманта Турвона, появился ученик.

Олений Лог, древний заповедный лес, раскинулся совсем рядом со столицей – за полдня пешком дойдешь, а уж всадник и вовсе быстро доскачет. Вот только и пешие, и конные обходили его десятой дорогой, торговые тракты огибали стороной, хоть обозы и теряли на длинном пути несколько лишних дней, и даже браконьеры опасались туда соваться, хотя все знали, что королевские егеря не караулят этот лес.

Всем известно было, что в Оленьем Логу, за буреломами и

топями, среди вековых дубов и зарослей орешника, прячутся Алтарь и Башня. Все знали, что даже издали заметить их – не к добру, а уж встретиться с хозяевами – и вовсе гибельное дело. Но никто не мог указать точно, какая именно тропка выведет тебя туда; а ну как наткнешься случайно? Лучше уж вовсе в лес ни ногой.

Об Алтаре каких только небылиц ни болтали. Чей он, каким силам там кланялись, какие жертвы приносили? Доподлинно никто не ведал, даже в старых летописях не сохранилось упоминаний. Сочиняй, кто во что горазд, истории одну страшней другой, все равно не проверить!

Башня – иное дело. Насколько она стара и кто обитал в ней раньше, людям было неизвестно, но вот уж почти две сотни лет, как она служила жилищем для мага-некроманта. Мастер Турвон, высокий и худой, словно иссушенный, с пронизывающим взором черных, как адская смола, глаз, и такими же черными волосами, забранными в хвост на затылке, за две сотни лет ничуть не изменился. То есть, может, и прибавилось несколько морщин да седых волос, но кто ж заметит такую мелочь? Важней, что каким прадеды его описывали, таким же и правнуки видят.

Некроманты хоть и отличаются пакостностью характера, но мастер Турвон давно уж не вызывал у жителей окрестных сел и не такой уж далекой столицы – а как следствие, и всего королевства, – какого-то особенного страха. Среди магов не найдешь пушистых зайчиков, все сплошь волки; ну затесал-

ся среди волков адский пес, так что ж теперь? Не трогай без нужды, и он тебя не тронет; а случится нужда – не лезь, как оголтелый, к Башне, колотить в дверь да орать под окнами, оставь чин чином знак на столбе у засохшего дуба на опушке, и маг сам тебя найдет. Тем более что мастер Турвон кладбищ не поднимал, злобных духов не вызывал, предпочитая расспрашивать умерших или убиенных на пользу их живой родне или же короне. А чем он занимается в своей башне – то его дела, в которые никому лучше не лезть. И не лезли, и даже по большей части не из страха, а потому что любому здравомыслящему человеку ясно – где некромант ворожит, туда лучше не соваться. А то как заморозит невзначай, упа-си Великая Сила!

Так и жили.

О том, что у мастера появился ученик, никто не знал. Высокородный сьер Гоунт дель Марре не спешил рассказывать всем и каждому, куда пропал наследник. «Обучается потребным для юноши знаниям у сведущего наставника», и точка. Те, кто интересовался подробностями, получали вместо ответа глубокомысленные размышления о том, что служба в приграничных гарнизонах, особенно на юге, и не из таких оболтусов людей делала. Так и вышло, что сьер Гоунт вроде бы и не лгал, но местоположение сына надежно скрыл ото всех.

А мастер, само собой, не брал недоросля с собой, отправляясь творить мрачное колдовство на дому у очередного за-

казчика. Магия – это вам не грядки полоть, чтоб неумеху необученного допускать до практики. Да ведь и грядки неумех не любят; но уж лучше перепутать сорняки с капустой, чем вместо вызова мирной в добром посмертии души вдруг поднять злобное умертвие.

Мариус роптать не смел, хотя всякий раз, как наставник отправлялся работать, с трудом умирал желание напроситься с ним. А мастер Турвон знай оставлял ученику задания погрязней да побольше на то время, пока его не будет, чтоб без дела не сидел, ерундой не страдал и не лез, куда без призора лезть нельзя.

Так что сидел Мариус в черной башне посреди леса, словно зачарованная принцесса из сказки. Грыз неподатливую магическую науку, разбирал древние книги, заучивал ритуалы. Ежедневные хозяйственные хлопоты – уборка, огород с травами и конюшня с единственным обитателем, вороним адским конем Гаро, – тоже были на нем. Мало ли, чей ты там наследник. Высоким происхождением изволь хвастать во дворцах, а в башне мага, пока ты ученик, ты никто и звать тебя никак. К тому же и поддержание должного порядка в жилище, и магические травки, и тем паче обитатель конюшни – такая же часть обучения. Понимать надо, что со всем этим делать и почему так, а не иначе.

Поначалу было трудно. Но пролилась унылыми дождями осень, пронеслась метелями зима, ранняя робкая весна расцвела подснежниками – и от прежнего Мариуса, ярост-

но желавшего учиться, но в объяснениях мастера понимавшего хорошо если одно слово из десяти, осталось разве что имя. Теперь он отличал одну травку от другой по запаху и на ощупь, даже в засушенном и размятом виде. Обнаружил, что тщательное мытье пола перед тем, как расчертить его кругом призыва, прекрасно настраивает на нужное для ритуала настроение. А бешеная тварюга Гаро ластился, принимая угощение, позволял расчесывать гриву и похлопывать по жуткой морде и не норовил откусить пальцы по самые плечи. Да и мастер поумерил язвительность, отпуская замечания о сомнительной разумности некоторых высокородных оболтусов.

А ночами сквозь сон слышались на самом краю сознания голоса. Шептали что-то невнятное, звали, обещали. Во сне Мариус думал, что утром надо рассказать наставнику, спросить, что за сны такие странные, кто его зовет и не опасен ли этот зов. Но поутру – забывал.

ГЛАВА 2. Фатальная случайность

*Прежде чем доверить ученику вести ритуал,
прими зачет по технике безопасности!*

О данном отцу обещании Мариус не то чтобы вовсе забыл, но отложил на самую дальнюю полку памяти. Ну в самом деле, где ему сейчас невесту искать – в лесу? В древних, окутанных вечным мраком подземельях Башни? Или на кладбищах, куда начал брать его мастер, дабы научился чуть эманации тлена и праха и работать с ними? Да какие его годы, успеется! Нарушать собственные обещания, конечно, негоже и вовсе позор, но авось отец поймет и сам освободит от данного в запале слова. Да и вообще, до праздника урожая полгода еще, мало ли что может приключиться. К чему заранее переживать. Тем более что совсем скоро – одна из восьми Осей Колеса года, день и ночь, когда творятся совершенно особые обряды и ритуалы. Уже три Оси Мариус встречал учеником некроманта, но к этим обрядам до сих пор был допущен только на правах неразумного ребенка: «стой, смотри, ничего не трогай, где скажу – повторяй за мной». А в этот раз мастер обещал допустить к большему. Сказал – от ученика понадобится помощь в весьма важном и особенном деле. До невест ли тут!

Накануне долгожданного дня мастер Турвон велел учени-

ку выдраить пол во всей башне, от подвалов до сторожевой площадки на крыше, и не забыть вымощенную камнем площадку между конюшней и огородом.

– А там-то зачем? – изумился Мариус.

– Как закончишь, найди ответ в трактате «О ритуалах годового Колеса», – ответил мастер и, ничего больше не сказав, перенесся куда-то порталом. А Мариус, вздохнув и с вожделием оглянувшись на окно библиотеки, порысил к колодцу.

Он предпочел бы начать с трактата, а не с презренной для высокородного работы поломойки, но мастер сказал – ученик сделал, и никак иначе. И пошустрее, а то времени на чтение не останется!

Таскал воду, отжимал тряпки, оттирал от черных камней грязь – не так уж много ее было, той грязи, все же частенько мыть приходилось, очень уж мастер чистоту уважал. И, пока руки заняты, а голова свободна, вспоминал тот самый трактат о ритуалах. Ведь читал его Мариус, как не читать! Но вот хоть чем готов поклясться, не было там ничего о том, что какие-то ритуалы непременно нужно проводить под открытым небом. Желательно – да, и весенние как раз туда, с летними вместе. Вот только верно расчерченные ритуальные круги важнее того, потолок над головой или небо, а в подвале круги расчерчены, знаки нужными металлами в камень впаяны и силой напитаны. Куда против них неровной каменной площадке, которую мелком разрисовывать придется? Нет, на-

верное, он просто чего-то не помнит или что-то не так понял. Вот и торопился домыть и сунуть нос в книгу.

Но до книги добраться так и не удалось. Оттер до блеска неровные камни, оценил проявившийся вдруг узор острых изломов и глубину словно бы стеклянистой черноты и задумался, отчего раньше не замечал, какой непростой здесь камень? Почему кажется, что где-то такой уже видел? И тут появился мастер. Недовольный – Мариус уже преотлично научился угадывать его настроение за вроде бы бесстрастным выражением. Бросил:

– Поторопись. С закатом начинаем.

А до заката и времени-то осталось – ополоснуться и переодеться в чистое. И почему с закатом? Ведь обряды Оси начинают на рассвете и заканчивают в полночь!

– А что начинаем-то, учитель? – спросил, не выдержав.

– Срочный заказ.

– Вот сейчас?! Или...

Мастер понял не сказанное, объяснил:

– Нет, не из тех, что только на Ось делаются. И лучше было бы не брать, но иногда проще заломить тройную цену и в итоге согласиться, чем объяснить заказчику, почему нет. – Мариус всем своим видом изобразил крайнее любопытство, и мастер смилостивился: – Витор дель Борнио, знаешь такого? Хочет срочно, категорически немедленно, получить особенного телохранителя для дочери.

– Зачем?! – изумился Мариус. – Вирита дель Борнио –

тихая, спокойная, прекрасно воспитанная девушка, скорее мир перевернется, чем она влезет в неприятности.

Вирита и в самом деле была тихой, спокойной и благонаправленной. А еще – скучной. Настолько скучной, что, несмотря на очевидную красоту и милую улыбку, уже на третьей минуте общения хотелось сбежать куда угодно, лишь бы подальше. Она и телохранитель?!

– Значит, мир перевернулся, – мастер Турвон пожал плечами и бросил короткий взгляд на почти скрывшееся за кронами вековых дубов солнце. – Хватит болтать. Бегом.

Загадка под названием «телохранитель для Вириты» заняла Мариуса настолько, что он и думать забыл о трактате. Да и велика ли важность, не успел сейчас – прочтет завтра. Или послезавтра. В конце концов, было бы это критично, наставник объяснил бы сразу.

И только когда с последним лучом заката вместе с мастером Турвоном ступил на сияющую черным огнем ночи идеально круглую площадку, вспомнил еще одно произнесенное наставником слово: «особенный телохранитель». И, словно ключ в замке, щелкнуло в памяти: «Зеркало ночи». Ритуальный круг, не требующий дополнительных знаков и усилителей вроде огня, крови или жертв. В нем работают только форма, размер и материал – баснословно дорогое и редкое, особым образом ограниченное адское стекло. Используется для поиска и призыва душ, которые смогут задержаться в мире надолго, и для вселения их в подходящее тело. А при

необходимости – и для создания того тела.

Высшая некромантия. Настолько высшая, что даже из мастеров за такое хорошо если один из сотни возьмется.

Это что ж такое Витор дель Борнио заказал для дочки?!

– Будешь проводником силы, – велел Мариусу наставник. – Заодно посмотришь на ритуал, с которым самому тебе еще лет сто лучше не связываться.

«Посмотришь»! Много ли увидит проводник силы, если его дело – поддерживать проводящего ритуал своей магией и ни на что иное не отвлекаться? Ведь все самое интересное происходит не здесь. Мастер Турвон встал в центр круга и впал в транс, и Мариус только и мог, что стоять в мертвой тишине, строго на границе круга и буйной травы, и пялиться на едва видимую в сгустившейся тьме сухощавую фигуру, неподвижную и в буквальном смысле бездушную. Душа мастера-некроманта, отраженная Зеркалом и подхваченная его темным сиянием, скиталась за Гранью, отыскивая желаемое. Хотел бы Мариус поглядеть, как происходят эти поиски! Да хотя бы просто увидеть, что там, за Гранью. Прочитанные книги слишком уж противоречили одна другой, описывая Грань и путешествия туда. Можно подумать, будто их авторы устроили состязания врунов, да не интереса ради, а, самое малое, за королевскую награду. А Турвон на все вопросы ученика отвечал одно: «Сам увидишь, как время придет, а пока рано тебе, неучу».

Зато можно втайне возгордиться: хоть наставник и силен,

а без его, неуча, помощи ритуал не потянул бы. Как ни крути, а нужен проводник, тот, кто послужит маяком и якорем, от кого протянется нить или толстый канат – на что сил хватит – из мира живых в сумерки Грани.

– Спаси-и-и-ите-е-е-е!!! – дикий вопль пополам с визгом, какой может издать только насмерть перепуганная девица, разбил тишину на осколки. Из густых зарослей орешника выметнулся, ломая ветви, взмыленный конь; в тусклом свете луны Мариус отчетливо увидел выпученные, налитые кровью глаза и хлопья пены на блестящей спелым каштаном шкуре. Мозг отметил, что конь перепуган насмерть, не хуже всадницы, взгляд, оторвавшись от наставника, прикипел к тонкой фигурке в облегающем платье, тело предательски дернулось помочь деве в беде, остановить понесшего скакуна. А ведь должен был стоять ровно и следить только за мастером!

Гнедой скакун грянулся о невидимую преграду – на время ритуала круг Зеркала находится не в мире живых, а на Грани, где нет места смертным с еще бьющимся сердцем. Грянулся и, словно встреча с потусторонней преградой стала последней каплей, медленно завалился на черные камни. Мариус даже вздрогнул от всплеска некроэманаций, гораздо более мощных, чем от убитых на охоте оленей. Дева с отчаянным визгом вылетела из седла – кубарем, через голову падающего гнедого. Прямо в круг, пробитый гибелью коня! И ладно бы просто в круг, хотя и это не привело бы ни к чему хорошему,

но! Эта... визгля! Прокувыркалась точно к центру Зеркала, сшибла с ног мастера Турвона и рухнула прямиком на него! И замерла, потому что сейчас, в самый разгар активированного ритуала, ее душа гарантированно должна была отправиться туда же, где блуждала душа мастера-некроманта.

И что, спрашивается, мог сделать в этой непростой ситуации пусть уже не совсем неуч, но категорический недоучка?!

Прежде всего – не поддаваться панике. Это правило, верное для любых внезапных проблем, не только мастер Турвон в ученика вбивал, но и до него, с раннего детства – отец. И Мариус, вполне осознавая, что «как правильно» – он не знает, мгновенно решил делать то единственное, что мог и что, вроде бы, напрашивалось. Продолжал вливать силу в связавшую его с мастером нить, не давая той порваться, а душе некроманта – заплутать без обратного пути в мир. Связь, правда, после картинного падения девицы поперек тела учителя повела себя странно. Задергалась, заметалась, словно злая огромная рыбина, пойманная на слишком слабую удочку – вот-вот сорвется, а не сорвется, так запутает снасть, зацепит за подвернувшуюся корягу и... и все равно сорвется. Держать, не упустить становилось все тяжелее, в какой-то миг Мариусу даже почудилось, что на том конце приключилась, не иначе, драка, будто две голодных жадных рыбы сцепились за вкусного червяка. Ох, лишь бы не он сам был тем червяком! А ну как по связи налезут твари из темного мира, для которых нет ничего желанней теплой человеческой

крови? Как же плохо быть недоучкой, он даже не знает, чего ждать, чего бояться, что может случиться, а чего не случится точно! И мастер тоже хорош, нет бы объяснить детально все опасности нарушенных или сорванных ритуалов, и как с ними справиться! А он только раз, в самом начале, сказал:

– Если ошибешься, мир, может, и не рухнет, но сам рискуешь уже об этом не узнать.

Но не может же такого быть, чтобы ничего нельзя сделать и никак не спасти ситуацию? Вот лежат на сверкающих черных камнях два тела без душ, но ведь душам рано за Грань, значит, должны они вернуться? Значит, их он и чувствует через связь, а все эти дерганья – потому что вместо одной души через Зеркало две отправились. Так ведь?

Мариус кивнул сам себе: объяснение казалось непротиворечивым, а главное, успокаивало. Нужно всего лишь не упустить связь, и наставник вернется. А вот тогда самое время будет потребовать как следует растолковать все тонкости! А то – «неуч, неуч»... Пусть учит! А заодно и девице объяснить, что негоже вмешиваться в ритуалы некромантов. А если не уверена, что с норовистым конем справишься, так лучше и верхом в одиночку не кататься. Тем более по Оленьему Логу. Тем более – ночью. Да какие демоны ее вообще сюда принесли?! Сидела бы дома, развлекалась вышивкой или еще чем подобающим...

Хуже всего, что Мариус знать не знал, как долго длился бы ритуал без вмешательства незнакомки и ее коня. Поиск

души такое дело – как повезет. А теперь и вовсе. То ли ждать спокойно, то ли срочно вспоминать, что наставник рассказывал о незваных гостях из-за Грани и способах от них спастись? Или не спастись, а усмирить, а то и поставить на службу? Тут все зависит от того, кто именно заявится.

Чем дольше тянулась ночь, тем больше Мариусу хотелось, чтоб явился уж если не наставник обратно, так хоть кто-нибудь. Только бы кончилась выматывающая неопределенность!

Возможно, стоило вспомнить, что слишком отчаянные желания имеют свойство сбываться с точностью до последней буквы? Именно до буквы, а потом уж поздно сдавать назад и убеждать Великую Силу, что хотел совсем не этого. Но, честное слово, Мариус не готов был увидеть, как мертвый гнедой открывает залитые потусторонним светом глаза. Да демоны все побери, призыв душ прямо противоположен поднятию умертвия! Такого просто не должно быть!

Так не бывает!

«Значит, бывает», – обреченно возразил собственным паническим мыслям.

ГЛАВА 3. Побег и его последствия

Прежде чем заключать договор с Высшими, выясни размеры неустойки!

Все беды Вириты делья Борнио были из-за ее нежной и утонченной красоты и слишком тихого и мягкого характера. Казалось бы – чем плохо? Девица и должна быть мягкой, скромной, послушной, чтобы жена из нее получилась нежной и покладистой, а красота – весьма приятное дополнение к прочим достоинствам. Но, как говорится, слишком хорошо – тоже нехорошо. Внешность изысканной фарфоровой куклы, по-детски пухлые розовые губы, затененные длинными ресницами глубокие омуты глаз, словно отражающие то яркую синеву неба, то предгрозовые тучи... Вирита ненавидела зеркала. Девушки-сверстницы и их маменьки и тетушки терпеть не могли наследницу Витора дель Борнио, признанную первую невесту королевства. Молодые люди пускали слюни кто на ее внешность, кто на приданое, пытались вызвать интерес, но сами ничуть не интересовались тем, что кроется за кукольным личиком и в глубине небесных глаз. Витиеватые комплименты, а за ними – корысть и похоть, которые Вирита ощущала, даже не будучи эмпатом. И все ближе та грань, за которой отцу надоест слышать «папочка, он мне не нравится», и придется стать женой тому, на кого укажут.

Будь она хоть немного посмелей! Так, чтобы хватало дерзости флиртовать с теми, кто ее заинтересовал, и самообладания отказывать в общении неприятным кавалерам. Но в яркой суматохе балов и приемов на Вириту словно ступор напал, она только и могла, что отвечать невпопад и робко улыбаться. И, как назло, самые интересные молодые люди, те, которым, возможно, могла бы понравиться она сама, а не приданое, родословная, связи отца – находили ее невыносимо скучной.

Была бы жива мама! Она бы рассказала, как дать понять юноше, что он тебе нравится, и завоевать ответное внимание. Научила бы. Однажды Вирита осмелилась спросить совета у отца – и получила катастрофичную отповедь. «Ты достойная девушка из благородной семьи, красива, богата и хорошо воспитана. Твое внимание – честь и счастье для любого юноши. Как тебе только в голову пришло интересоваться уловками гулящих девок?!»

«Честь и счастье»? Да если бы! Нет, Вирита не сомневалась – в жены ее возьмут охотно. За богатство, родословную, может даже, за красоту. Но полюбят ли?

Вирита злилась на себя, пыталась измениться, но ничего не получалось. Казалось, она живет в удушающем вязком кошмаре. Кому скажи, не поверят, скажут – счастья своего не ценит. Да разве ж это счастье?!

А потом грянула катастрофа: отец объявил о скорой помолвке. И хотя неожиданностью для девушки это не стало,

но жених! Едва услышав, кто именно просит ее руки, Вирита обмерла и без сил опустилась в кресло – ноги вдруг перестали держать.

– Но батюшка, ведь он...

– Он благородный человек, и он готов заботиться о твоём благополучии. Даже настоял на охране для тебя.

– Зачем охрана?

– Не пугайся, это наши взрослые дела, – мягко сказал отец. – У благородных семей случаются сложные времена.

Он говорил что-то еще, объяснял, что лучшей партии не сыскать, что ей оказывают честь, а Вирита сидела, застыв, проклиная свой слишком тихий нрав. В голове вспугнутой птицей билась единственная мысль: «Что делать?!»

Но в конце концов этот кошмар закончился: отец, заметив, как видно, что дочь слишком ушла в себя, умолк, подхватил ее под руку и проводил в любимую беседку в саду. Поцеловал в лоб, усадил, сказал:

– Поговорим после, если захочешь. Вижу, тебе нужно привыкнуть к новости.

И ушел. Вирита услышала еще его резкое:

– Чаю молодой госпоже! – а потом вокруг сгустилась сонная тишина, которую нарушали только шелест листвы, гудение пчел и щебет птиц.

И в этой тишине она постепенно пришла в себя.

Неторопливо, мелкими глоточками, выпила принесенный ей чай, сладкий, кружащий голову ароматом липового меда

и мяты. Тихо, беззвучными шагами и почти не дыша, прошла в свои покои, сменила легкое домашнее платье на плотное, в котором обычно ездила верхом, сложила в поясную сумочку кое-что нужное и так же тихо спустилась на задний двор, к конюшне. Попросила, мило улыбнувшись мальчишке-конюху:

– Заседлай мне Каштана. Хочу проветриться немного.

Ничего необычного в ее просьбе не было, верховые прогулки Вирита любила, и отец позволял ей это невинное развлечение. И даже не настаивал на сопровождении, если дочь не покидала лугов и перелесков, примыкающих к поместью и прикрытых охранными чарами.

Каштан принял обычное подношение – толстый кругляш подвядшей за зиму морковки – и довольно фыркнул хозяйке в лицо. Конюх посадил в седло, и Вирита, словно ненароком оглянувшись на отцовские окна – нет, не смотрит! – пустила любимца легкой рысью. Вдохнула полной грудью, поймав лицом ветер. Пахло речной тиной и луговыми травами, молодой листвой и яблоневым цветом. Свободой. Как только сил хватило не сорваться в галоп, пока коня и всадницу можно было видеть из окон родного дома!

А уж потом – не сдерживалась. Времени было мало – час, от силы два, и спохватятся.

Ей везло. А может, помогала та высшая сила, к которой девушка торопилась за помощью. Промчавшись незамеченной через уголья дель Борнио, оставив в стороне большое

село у тракта и мельницу у реки, Вирита остановила коня на опушке Оленьего Лога. Всклипнув, прошептала срывающимся голосом:

– Вот, Каштан... дальше сама не знаю, куда. Может, ты знаешь?

Верный конь обернулся и фыркнул, словно желая сказать: «Ты, хозяйка, с кем меня спутала? С профессором земледения из столичного университета? Или, может, с эльфом-наемником?»

– Ах, да что уж там! – Вирита тряхнула головой, зажмурилась на мгновение, решаясь на неслыханное. Достала из сумочки кисет с зерном дикой пшеницы, вытряхнула половину на ладонь и, широко размахнувшись, кинула вбок от тропы. – Прими дар, Олений Лог!

Следом таким же образом в дар лесу пошла половина фляжки вина. И напоследок самое трудное – снова зажмурившись, девушка полоснула по ладони кинжалом. Крупные капли обагрили траву.

– Прими дар, Олений Лог, покажи путь к Алтарю! – замотав ладонь платком, Вирита тронула коня.

Без тропы, наугад, но лес и впрямь вывел, куда просила. Закатные отблески сменились глубокими сумерками, а светлый березняк и густой орешник – мрачными вековыми елями, когда Каштан, всхрапывая и прядая ушами, ступил на идеально круглую поляну, в центре которой белел нетронутый временем каменный... постамент? Стол? Или просто

плита? Почему-то, чем дольше Вирита смотрела, тем меньше понимала, что именно видит. Белый камень в фиолетовом сумраке ночи – больше и сказать нечего.

Но, раз уж пришла, раз ей указали путь, глупо медлить и колебаться. Соскочив с седла, Вирита вытряхнула под ноги остатки пшеницы:

– Благодарю за путь, Олений Лог! – и пошла вперед. Шаг, другой, третий... десяток... Сердце трепыхалось в груди, вот-вот готовое разорваться от ужаса, пальцы заледенели, а щеки и уши пылали жаром. Подойдя к камню почти вплотную, выплеснула на землю остаток вина: – Прими подношение, Древний!

Земля не разверзлась под ногами, гром с небес не грянул. То ли ее не услышали, то ли приняли подношение – поди догадайся! Но не отступать же? Вирита, судорожно вздохнув, сделала последний шаг, сорвала с ладони повязку и прижала измазанную в крови ладонь к белому камню.

– Услышь, Древний! Исполни просьбу, назначь цену, прими обещание!

Шум леса отдалился, тишина звенела в ушах, на миг показалось, что не Древний пришел, как обещали старые книги, а сама провалилась в иной мир, туда, где живут забытые боги и демоны. Но вдруг тишину разбил смешок. Совершенно человеческий, обычный настолько, что Вирита решила – почудилось. Или кто-то прокрался сюда следом за ней?

Вздрагнув от этой ужасающей мысли, девушка оберну-

лась. Хотя разве увидишь, кто там в густых сумерках может прятаться среди деревьев? То, что за нею могли проследить, подсмотреть, почему-то пугало больше встречи с Древним. Но тут на белой плите сгустился человеческий силуэт. Сначала – прозрачная фигура, словно слепленная из серого предутреннего тумана, затем туман обрел краски и лицо. Уплотнялись, становились реальными зеленый охотничий костюм, широкие плечи и мощный торс, рыже-вато-русовая борода и волосы до плеч, отчаянно синие глаза... Вирита смотрела на мужчину – слов нет, очень привлекательного, но самого обычного человека, не демона какого-нибудь. Встреть такого хоть на ярмарке, хоть на столичных улицах или даже в королевском дворце – засмотреться можно, а вот неладного не заподозришь.

Тот ее тоже рассматривал, внимательно, оценивающе, но его взгляд не пугал. Иные женихи гораздо хуже смотрели – как на добычу, на какую-нибудь дичь: то ли подстрелить, то ли пусть пока летает, мясо к следующему разу нагуливает...

В старых книгах писали – предложи дар, а когда Древний придет, назови желание и спроси, чем придется расплатиться. Пора было заговорить, но у Вириты словно язык отнялся под пристальным синим взглядом. Только леденели руки, полыхали щеки, и все мучительней накатывал стыд – словно что-то она делала не так, но что именно, сама не знала. И в тот миг, когда молчание стало вовсе уж нестерпимым, Древний оказался вдруг рядом, взял за подбородок, задрал

голову, и заглянул в глаза. Его пальцы были твердыми и горячими, прикосновение – аккуратным, а взгляд – тяжелым и темным, как подвальные своды.

– Ко мне приходили за властью. За богатством. За удачей. Даже за женщинами, хотя это глупо. Но я не вижу, чего просишь ты. Что тебе надо от меня, смертного дитя?

– Помощи, – пискнула Вирита.

– Это ясно. Какой именно? Чего ты хочешь?

– Я замуж не хочу! – всхлипнула девушка. – За того, кого батюшка выбрал! Он страшный!

– Страшней меня? – Древний рассмеялся, и лес откликнулся гулким эхом, уханьем сов и, вроде бы, далеким камнепадом. – Какого-то смертного мужчину ты боишься сильнее, чем меня?

Тут, наверное, надо было или испугаться окончательно и отправиться в спасительный обморок, или начать униженно извиняться. Но Вирите словно шлея под хвост попала!

– Замуж – это, знаешь, на всю жизнь! – выпалила она. – С тобой, книги пишут, можно договориться, а если и нет, хуже все равно не будет.

– Это что ж у тебя за книги такие?

– Дневники... Заметки прадеда, благородного Рейаса дель Борнио.

– Ах, этого... – Древний снова рассмеялся, но теперь в его смехе словно звенел по камням ручей и стучали копытами кони. – Ладно. Значит, хочешь изменить суженого – верно?

– Д-да... – Вирита хотела сказать «наверное», она и сама не знала, другого суженого хочет или вовсе свободы от пугавшего замужества, а может, еще чего-то, смутного, ей самой до конца не ясного. Но каким-то неведомым образом оказалось, что ответить можно только «да» или «нет».

– А заплатишь чем?

И снова хотела ответить «не знаю», спросить, какая именно плата устроит Древнего, но вырвалось помимо воли:

– Чем угодно!

Синие глаза полыхнули торжеством.

– Уезжай, – приказал Древний. – Все будет.

Сама не поняла, каким образом, Вирита очнулась в седле – и, едва успела удивиться, едва в пустой голове вспыхнула заполошная мысль: «Что я наделала!» – как Каштан дико заржал и рванул с места в галоп, разве что милостью Великой не натыкаясь на деверья. Несся, не разбирая дороги, насмерть перепуганная всадница только и могла, что из последних сил держаться. Вдруг в непроглядной темени ночного леса мелькнул огонек, даже не свет – едва заметный отблеск. И Вирита, испугавшись, что Каштан пронесет ее мимо и в конце концов просто свернет себе шею в буреломе, закричала отчаянно:

– Спаси-и-и-ите-е-е-е!!!

Глупо. Конечно, никто ее не спас, зато Каштан словно еще больше взбесился, хотя куда уж больше! И зачем ее только понесло к этому Древнему?! Что за дурь в голову стукну-

ла! Вирита уверилась, что доживает последние минуты, когда взмыленный конь вынес ее... куда-то. Мелькнула сбоку громада темной башни, впереди засияли лунные отблески, словно рябь на пруду, хотя там точно была не вода, и Каштан свалился, хрипя, в эти отблески, сбросив всадницу.

Дальше она ничего не помнила.

ГЛАВА 4. Гости из-за Грани

*Прежде чем предлагать коню морковку,
убедитесь, что он не людоед!*

Гнедой конь, еще мгновение назад абсолютно и несомненно мертвый, поднялся на ноги, тряхнул головой и уставился на Мариуса горящими глазами. Черная грива взвилась облаком, да так и осталась. Шерсть потемнела: была гнедой с рыжим отливом, точь-в-точь спелый каштан, а стала – бурой, как запекшаяся кровь. В глазах появился мертвенный зеленоватый отблеск.

А хуже всего, что Мариус и близко не представлял, что это за тварь такая и чего от нее ждать. Не рассказывал мастер Турвон ни о ком похожем.

Что ни говорите, а есть в благородном воспитании свои плюсы. Отчаянно хотелось плюнуть на все и удрать куда подальше, но душа наставника все еще бродила за Гранью, а значит – нужно оставаться на месте и держать связь. Что бы ни случилось. Даже если целый табун сначала сдохнет на этих камнях, а после превратится в потусторонних тварей!

– Нечего со мной в гляделки играть, – буркнул Мариус, сам себе доказывая, что он молодец и вообще о-го-го, и вовсе даже не думал чего-то там бояться.

Конетварь переступила копытами, звонко цокнув по от-

мытым камням, и насмешливо фыркнула. Как-то не просто не по-конски, а даже, можно сказать, по-человечески. Один в один, как фыркала тетушка Амалия, желая без слов показать племяннику всю беспредельную глубину его глупости. Так бы и врезал по наглой морде! «Наставник, возвращайтесь уже!» – мысленно взмолился Мариус. И, как будто этого и не хватало мастеру Турвону! Связь дернулась особенно сильно, тело наставника поднялось, открыло глаза – и, как раз когда Мариус обмер от ужаса и бессильной паники, в пустой взгляд живого трупа вернулась человеческая осмысленность.

Мастер поймал ошалевший взгляд ученика и обрадовал:

– Привыкай. Именно так с Грани и возвращаются. А это еще кто?! – увидел он лежавшую на камнях девушку.

– А это вот, – Мариус махнул рукой на скалившую зубы тварь. – Конь понес и убился прям тут, в круге. Девушку сбросил, и сам... вот. Сначала помер, а после – поднялся.

Не глядя больше на несчастную девицу, мастер Турвон подошел к коню. Провел ладонью вдоль шеи, словно щупая воздух. Пробормотал что-то вроде «ну-ну» в ответ на еще один ехидный фырк. А после... взгляды мастера Турвона и конетвари столкнулись, и Мариусу почудилось, что за пару-тройку мгновений эти двое успели столько сказать друг другу – если бы словами, всей ночи не хватило бы для разговора!

– Храбрый у меня ученик, – хмыкнул наставник. – Бес-

толковый, но храбрый. Это не поднятая тварь и даже не вселившийся дух. Это – знакомься, юноша! – воплотившийся Древний. Вернее, Древний на пороге воплощения.

– Д-древний?! – Мариус икнул. Не то чтобы он вовсе не слышал о старых богах, но, видит Великая, одно дело – слушать всякие небылицы, и совсем другое – вот так наяву встретить! И как они все живы до сих пор?! Хотя... все ли? – Эм-м-м... – протянул Мариус. – Приветствую, рад встрече и все такое, но, мастер, а с девушкой что? Ее трогать-то можно? Перенести хоть отсюда, посмотреть, сильно ли расшиблась. Помочь...

Вот Древний или нет, а ржала эта тварь – жеребец жеребцом!

– Показываю, – тяжело вздохнул наставник. – Как проверить, что это все еще живая и разумная девица, а не вселившаяся в нее тварь из бездны.

И показал. Четыре раза, пока Мариус понял и сумел повторить. А конь, Древний он или нет, ржал, фыркал и вообще всячески показывал свое презрение.

На четвертой проверке девушка открыла глаза, и сразу стало ясно, что никакая она не тварь и вообще не опасней ягненка. Правда, наставника невинный девичий взор не растрогал.

– Смотри и запоминай, ученик, именно так на тебя и посмотрят, прежде чем сожрать душу. По-настоящему опасное никогда не покажется устрашающим. Пугают те, кто сам бо-

ится быть сожранным.

– А вот это было обидно, – заговорила вдруг девушка. – Души жрать не по моей части. Лучше бутербродиком угостите.

Голос показался Мариусу знакомым, но интонации... Когда он слышал этот чудесный, звеняще-нежный голосок в прошлый раз... когда же это было? У кого-то в гостях, но вот у кого? Так вот, тогда этот голос вовсе не был таким уверенным, бодрым и даже, пожалуй, агрессивным, а наоборот, навевал зевоту и уныние. Точно! Уныние! Это же...

– Вирита делья Борнио! – выпалил Мариус. И какие, спрашивается, демоны занесли сюда эту робкую куколку?!

Вирита замерла, склонив голову, словно прислушиваясь. Покачала головой:

– Нет. Если вы хотите свою Вириту, я могу попробовать ее растолкать и выпнуть, но... Нет, вряд ли. Уж простите. Нежная фиалка в глубоком обмороке.

– Где – в обмороке? – спросил Мариус. Прозвучало до крайности глупо, но девушка поняла. И даже ответила, постучав себя по лбу:

– Где-то здесь, наверное. А вот как я в ней оказалась, это вопрос! И кто, я вас спрашиваю, мне на него ответит?

– Ничего не понимаю, – признался Мариус.

– Было бы что понимать, – мастер Турвон подхватил девицу под мышки и поставил на ноги: – Хватит тут расслаиваться. Идемте в дом, там поговорим. А тебе окошко открою,

мои хоромы на лошадей не рассчитаны, – непочтительно сообщил Древнему. – И из угощений только морковка. Не сено же тебе предлагать?

«Хоромы» мастера Турвона, говоря честно и откровенно, вообще не были рассчитаны на гостей, тем более – девушек из благородных семейств. В цокольном этаже башни, том самом, где некромант принимал редких посетителей, располагалась кухня. Неровные каменные стены, примитивный очаг, в котором при желании можно зажарить оленя целиком, полка с простой глиняной посудой, огромный стол, несколько приземистых дубовых табуретов. Дверь в кладовую, лаз в подвал. Та Вирита делья Борнио, которую помнил Мариус, испугалась бы и краем глаза сюда заглянуть, не то что спокойно войти. А девушка, которую наставник усадил на табурет у очага, осмотрелась с интересом и заявила одобрительно:

– Красиво у вас тут. Атмосферненько. За таким столом не бутербродики жевать, а мясо наворачивать.

– Тащи мясо, ученик, – велел мастер. – Только окно сначала открой. Вон то, – махнул рукой туда, где за мутным стеклом маячила темная конская морда. – И не вздумай в самом деле сунуть ему морковку!

– А чего?

– Да того же, что и нам. Только сложи на подносе, чтобы конской мордой есть удобно было.

Пришлось отставить любопытство и заняться тем, чем и

положено заниматься ученикам при мастере – то есть «приготовил-принес-подал» (и спасибо, что у наставника Турвона обходилось без финального «пшел вон»!). Копченая оленина, свежий деревенский хлеб (только вчера бегал за ним к пекарю!), яблочный сидр в бочонке – настоящий пир. Хотя и не совсем то угощение, какое пристало подавать благородной девице. Но гостья и ела и пила с видимым удовольствием – и с таким же видимым отсутствием манер. Наверное, хорошо, что настоящая Вирита была где-то там в обмороке в собственной голове. А то снова в обморок бы упала, уже по-настоящему.

– Так вот, наша милая и пока безымянная гостья... – начал мастер Турвон, когда Мариус расставил угощение и сел напротив девицы.

– Почему это безымянная?! – не дослушав, возмутилась та. – Натальей меня звать. Можно Наташа.

– Это имя твоего мира, твоего прежнего тела. А ты, позволь сообщить, всего лишь душа. Души перед новым воплощением забывают прежнюю жизнь.

– Ничего не знаю, я все помню. И вообще, какое-такое «новое воплощение»?! Вы, как я понимаю, выдернули меня вот сюда, засунули в чужое тело, между прочим, взрослое и вполне занятое. Не тянет на новую жизнь! Это не говоря о том, что я как-то прозевала окончание старой! Ваша работа?

– Не моя. Лично я ниоткуда тебя не выдергивал и никуда не засовывал, – ворчливо возразил Турвон. Конь изде-

вательски заржал. Мариус тоже заржал бы, наблюдай он за этим базаром со стороны! Вот только чудилось, что последствия разгребать придется не наставнику, а ему. Потому как зачем еще нужны ученики? Правильно, спихивать на них самое неприятное!

– Лучше спросите у Вириты, зачем она в ритуал вмешалась, – не выдержал Мариус. – Влезла в круг на полном скаку и с воплями, а мы виноваты.

– Так это не у нее надо спрашивать, – гостья повела плечом. – Вон, в окно морда заглядывает. Конь позорный. Ваша девчонка уже и с жизнью простилась, а он дел наделал и ржет.

– И наверняка именно он мог бы все объяснить. С ним вообще как-то говорить можно? – безнадежно спросил Мариус. Кажется, вместо ответов на свои вопросы и внятных, достойных мастера-некроманта разъяснений он получит безобразную рыночную перебранку. А ведь две души в одном теле – по всем канонам полный беспорядок! И что-то с этим надо делать. А кому делать, если свалилось это безобразие им с наставником на головы? Еще и Древний этот непонятный. Чем больше Мариус на него смотрел, тем меньше тот походил на ужас из легенд. Хотя наставник не зря говорит, что по-настоящему опасное не выглядит устрашающим...

– Я звал душу, которая могла бы стать незримым хранителем для Вириты делья Борнио, – сплетя пальцы в замок, неторопливо заговорил мастер. – Ее отец настаивал на бес-

прерывной охране и требовал непременно духа женского начала, дабы соблюсти честь и скромность своей невинной дочери. И этот дух вовсе не должен был занять тело своей подопечной!

– А еще он должен был что-то уметь в плане защиты? – насмешливо спросила Наталья. – Ну, я вас обрадую, что-то пошло не так.

Она со стуком поставила кружку на стол, вскочила и подошла к Древнему. Схватила за длинную конскую челку.

– Колись, конь, это ты все устроил! И не делай мне тут непонимающие глаза, ты не котик из «Шрека»!

Конь закатил глаза и лег, а в оконном проеме сгустилась туманная мужская фигура. Налилась красками и жизнью – и вот уже на подоконнике сидит самый обычный разбойного вида мужлан: в зеленом под цвет леса костюме, обросший бородой и длинными патлами, разве что чистый и причесанный. Запредельной силой, как положено Древнему, от него не веяло, благородством и властью – тем более; короче говоря, явись такой в дом любого знатного семейства – дальше черного двора не впускают.

– Объясняю коротко, один раз, – быстро сказал он. – Девушка Вирита ко мне явилась с просьбой и обещала плату. Платой станет мое воплощение. Конь нужен, пока не наберу достаточно жизненной силы. Человек тоже подошел бы, да никого рядом не нашлось, – он нехорошо усмехнулся. – От вас ничего не нужно, сюда попали случайно. А ты, – си-

ние глаза усталились на Вириту-Наталью в упор, – придержи язык. Не ищи виновных там, где их нет. Лучше узнай, зачем девице хранитель понадобился.

– А у тебя она что просила? – нет, откуда в этой иномирной душе столько наглости?! Мариус, стоя в такой опасной близости с существом божественной силы и могущества, разговаривал бы с ним повежливей!

– Это дело ее, хочешь – у нее и спроси.

– Ясно, фирма гарантирует конфиденциальность. Слушай... так, стоп, звать-то тебя как? Не Конем же, в самом деле.

– Можешь Древним звать.

– Когда он воплотится, получит новое имя, а сейчас, по сути, немногим отличается от безымянной души, – негромко объяснил наставник.

– Памятью и силой, это не так уж мало, – возразил Древний. – А имя я верну прежнее. Я его помню, это люди забыли.

– Ладно. Итак, что мы имеем, – девица обернулась, скрестив руки на груди. – Меня, то есть мою душу, вызвали, чтобы я незримым духом охраняла робкую фиалку. Фиалка оказалась не такой уж робкой, сбежала в ночь верхом и без охраны, что-то попросила у Древнего и взамен пообещала помочь ему воплотиться. В результате этой помощи Древний вселился в дохлого коня, а я – в фиалку, причем и того и другого предусмотрено не было. Я ничего не упустила?

– Пока нет, – отчего-то Мариусу показалось, что Древний откровенно забавляется. Во всяком случае, на девицу он смотрел с веселым интересом. То ли ждал, что она вот-вот учудит что-нибудь несусветное, то ли сам замышлял какую-то пакость.

– Тогда объясни мне вот что, глубокоуважаемый Древний Конь. Тебе без разницы, что твое временное тело немножко умерло?

– Да не успело оно умереть. Конский дух отлетел, я остался. За несколько мгновений из живого нежить не получится.

– Ясно, клиническая смерть и быстрая реанимация. И сколько тебе так ходить придется? А главное – потом-то что? Как будет выглядеть это твое предполагаемое воплощение?

Древний пожал плечами.

– Как только накоплю достаточно сил, просто перестрою тело из этого в свое. Бог я, в конце концов, или погулять вышел?

– Тебе вежливо или честно? – фыркнула девица. – Вот сейчас ты вполне конкретно вышел погулять. А какой ты бог? Ну, в смысле, чей? Или для чего?

– Бог Оленьего Лога, конечно. Хочешь, потом алтарь покажу. Или Вириту попроси показать, она там была. Ты уже все важное спросила? Раз перешла на пустое любопытство?

– Главный вопрос напоследок. Я тоже хочу воплотиться. Как-то не греет сидеть в чужом теле. Твой способ явно не подходит, а другой есть?

Наставник хмыкнул и вдруг спросил:

– Как думаешь, ученик, помочь девчонке обрести тело, или пусть сидит в этой благородной кукле?

Стоило лишь представить эту чужеземную нахалку не связанной чужим телом, тут же охватил холод дурного предчувствия. Хотя и Вирита с эдаким дополнением – не подарок!

– Даже не знаю, что пугает больше, – пробормотал Мариус.

ГЛАВА 5. Лицом к лицу в чужой голове

*Принимая приглашение в гости,
убедись, что в любой момент сможешь уйти!*

Конечно, способ Древнего Наташе не подходил. Даже если бы у нее вдруг обнаружились божественные силы для перекраивания чужого тела в родное и привычное, куда законную хозяйку девать? Глупышку Вириту было чисто по-человечески жаль. Вот уж вляпалась так вляпалась, по полной программе.

«Эй, – мысленно позвала Наташа, – где ты там? Пришла в себя? Слушаешь, что болтают?»

Уловила слабый согласный отклик и, кажется, полное нежелание общаться и вообще вылезать наружу, по крайней мере, при посторонних. Что ж, в этом девочка права, серьезные разговоры лучше вести с глазу на глаз, даже в собственной голове и с собственной шизой.

Тут она уловила краем уха: «Помочь обрести тело, или пусть сидит...» – и обернулась так резко, что чуть не упала. Древний тут же воспользовался поводом закончить разговор и вернулся в коня – ну это понятно, ему, получается, выгодней сейчас сидеть в бессловесном, зато живом жеребце, то

есть копить силу, а не тратить. А вот то чудо с посохом, которое ее сюда затащило и теперь еще думает, помогать или нет, точно заслуживает люлей во имя морали и человеколюбия. Мерлин недоделанный...

– И как именно, уважаемый, вы могли бы мне помочь? –
Всю глубину «уважения» Наташа постаралась высказать голосом, и, как ни странно, у нее получилось: маг смутился и сделал вид, что у него внезапно засвербело в горле. Вирита, судя по всему, изумительно умела вкладывать в самые простые слова самые разные чувства. – Только не надейтесь, что я забуду этот вопрос, пока вы запиваете свой кашель, уважаемый... кстати, как вас называть-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.